

Фонд Иофе

Деятнадцатые чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя

Биографика 20 века

20–22 апреля
2021

Санкт-Петербург
2022

Марина Сорокина

Петр Богатырев и храбрый солдат Швейк: эпизоды нелитературной биографии

**Марина Юрьевна
СОРОКИНА**

*ведущий научный сотрудник,
зав. отделом истории
российского зарубежья
ГБУК «Дом русского
зарубежья
им. Александра
Солженицына»,
г. Москва*

msorokina61@gmail.com

В 1921 году в пражской печати появились первые главы бессмертных «Похождений храброго солдата Швейка» Ярослава Гашека (1883–1923). Десятки экранизаций и множество спектаклей по всему миру, переводы более чем на пятьдесят языков превратили рядового солдата в культовую фигуру не только литературы, но и всей мировой культуры. В стране победившего социализма Швейк также сразу стал «своим»: после того как в 1926 ленинградское издательство «Прибой» опубликовало первую часть романа «Приключения храброго солдата Швейка» в переводе Герберта Августовича Зуккау (1883–1937), советские читатели каждый год получали все новые произведения Я.Гашека.

Если Зуккау сделал свой перевод с вышедшего в Праге издания на немецком языке¹, то первым переводить Гашека с чешского языка на русский начал поэт и литературный критик Михаил

¹ Позднее к нему присоединилась жена – Алиса Германовна (урожд. фон Витте, 1888–1941), и уже вместе они перевели третью и четвертую части романа, опубликованные все тем же издательством «Прибой» в 1927–1928.

Наумович Скачков (1896–1937), с 1922 по 1926 живший в Праге. Только в 1927–1930 он выпустил четыре сборника рассказов и фельетонов чешского писателя². Под псевдонимом «М.С.»³ в 1928 Скачков опубликовал в своем переводе книгу продолжателя Гашека Карела Ванека «Швейк в русском плену», в 1930 в серии «Роман-газета» – перевод первой части «Похождения бравого солдата Швейка», а в 1931 в Гослитиздате – сборник рассказов «Бравый солдат Швейк готовится к войне». Между тем, несмотря на такую высокую активность по продвижению чешского писателя в СССР, у современного читателя и даже литературоведов имя Скачкова почти не ассоциируется с Гашеком и его героем. Даже в статье от составителя, открывающей современную двухтомную антологию «Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России» и перечисляющей все русские переводы вплоть до ростовского 2001 года, его фамилия не упоминается⁴.

Одна из причин тотального исчезновения имени Скачкова связана как с его трагической судьбой расстрелянного в 1937 «врага народа», так и с тем, что параллельно ему переводом сочинений Я.Гашека занимался и другой русский пражанин – этнограф и фольклорист Петр Григорьевич Богатырев (1893–1971), чей перевод «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны», впервые изданный в 1929–1930 с предисловием известного большевика В.А.Антонова-Овсеенко, в 1924–1928 возглавлявшего советскую дипломатическую миссию в Чехословакии⁵, давно признан каноническим. Более того, как справедливо отмечает автор «Комментариев» к роману Гашека Сергей Солоух, невероятная популярность чешского автора и его героя стали возможными именно благодаря переводу Петра Богатырева⁶. Который, заметим мы, в отличие от М.Н.Скачкова, не был литератором, и «Швейк» оказался единственной значительной работой ученого по переводу художественной литературы.

Любопытно и то, что в значительной части переводы Скачкова и Богатырева были почти синхронно сделаны в Праге, где их авторы находились на службе в советском полпредстве. Оба появились в столице Чехословакии в 1922.

² В 1927 в издательстве «Московский рабочий» был опубликован сборник юмористических рассказов «Уши святого Мартина», в том же году в «Библиотеке сатиры и юмора» – сборник рассказов «Дружеский матч», в 1928 в той же серии вышли еще два сборника рассказов – «Исповедь старого холостяка. (Zpověď starého mládence)» и «Счастливая семья. (Stastny domov)». В 1930 в издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник рассказов Гашека для детей «Твердая кожа».

³ Нередко этот псевдоним неверно приписывается Марку Слободскому (1913–1991).

⁴ Глазкова Н.Л. Швейк шагает «Левой! Левой! Левой!» / Н.Л.Глазкова // Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. Кн. 1. / Сост. Н.Л.Глазкова, отв. ред. Ю.Г.Фридриштейн. – М.: Центр книги ВГИБЛ им. М.И.Рудомино, 2012. – С.5–12.

⁵ Поскольку дипломатические отношения между СССР и Чехословакией были установлены только в 1934, миссия имела разные названия, но по сути всегда выполняла функции дипломатического представительства.

⁶ Солоух С. Похождения бравого солдата Швейка: Комментарии к русскому переводу романа Ярослава Гашека / С.Солоух. – М.: Время, 2015. – С.6.

Богатырев при прямом содействии своего ближайшего друга, лингвиста и историка литературы Романа Якобсона (1896–1982) получил место сотрудника отдела печати в советской миссии и занимался переводами местной прессы. Скачков примерно с 1924 числился сотрудником-переводчиком, совместно Д.Штерном и Д.Быстролетовым готовившим и издававшим «Экономический бюллетень» миссии⁷.

Трудно отделаться от впечатления, что сотрудники советского полпредства не случайно занялись переводом романа Я.Гашека, и еще более любопытно, что они никогда никому не рассказывали о том, что мотивировало их к этой работе. Было ли это политическим заказом «патрона»? Ведь согласно позднему рассказу Р.Якобсона, сам нарком иностранных дел Советской России Георгий Чичерин интересовался «Швейком» и просил некоего своего друга, работавшего в полпредстве в Чехословакии, прислать ему текст⁸; да и П.Г.Богатырев как-то обмолвился, что помнил Ярослава Гашека, а значит, встречался с ним. Но это могло произойти только в 1922, поскольку писатель скончался 3 января 1923, и таким образом версия о поручении наркома получает дополнительное подкрепление. В ее же пользу свидетельствуют и хлопоты А.М.Горького и В.А.Антонова-Овсеенко по изданию перевода П.Г.Богатырева в 1929 году.

Однако нельзя исключить и того, что «внедрение» бравого солдата, в авторских замыслах собиравшегося дойти чуть ли не до Китая, стало одной из акций эмиссаров Коминтерна по поддержке мировой революции. Как известно, популярность Я.Гашека и его произведения пошла в гору после публикации в 1921 рецензии известного чешского писателя и публициста, одного из основателей Коммунистической партии Чехословакии Ивана Ольбрахта (1882–1952), навсегда связавшего восхождение Швейка с историей становления коммунистического движения в Чехословакии⁹.

У нас нет прямого ответа на вопрос, что послужило триггером к советским переводам Ярослава Гашека, и вероятно, единственного ответа и не существует. Но безусловно существенным представляется и вопрос о собственных, внутренних мотивациях переводчиков, чьи служебные и интеллектуальные биографии, связи и контакты, особенно пражского периода, почти не исследованы и тем более не документированы. Какие обстоятельства, личные, научные

⁷ См.: *Просветов И.* Вербовщик: Подлинная история легендарного нелегала Быстролетова / И.Просветов. – М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. – С.93–94.

⁸ Цит. по: Jakobson-Budetliani: Sbornik Materialov / Ed. B.Jangfeldt // Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Russian Literature, 26. – Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1992. – P.151. С большой вероятностью им мог быть секретарь миссии Илья Исаакович Левин (р.1899), знавший чешский и немецкий языки, хранивший шифры и состоявший в личной переписке с Г.В.Чичериным по 1921 г. включительно, по возвращении в Москву – референт по Чехословакии в Среднеевропейской секции Профинтерна (РГАСПИ. – Ф.495. – Оп.65а. – Д.6779). См.: *Станков Н.Н.* Повседневная жизнь в Чехословацкой республике начала 1920-х гг. в письмах служащего советской миссии Красного Креста в Праге И.И.Левина / Н.Н.Станков // Славянский альманах. – 2019. – №1–2. – С.72–84.

⁹ *Rudé právo.* – 15.11.1921.

и/или служебные, побудили их заняться переводом романа Гашека, что связывало сотрудников советской миссии и Швейка, какое место этот перевод занимал в жизни П.Г.Богатырева и М.Н. Скачкова – круг этих вопросов лежит в основе нашего небольшого эссе, основанного на новых архивных документах.

Анабасис

Петр Григорьевич Богатырев хорошо известен в академической среде как выдающийся фольклорист и этнограф, участник знаменитых Московского и Пражского лингвистического кружков, профессор Московского и Воронежского университетов, внештатный профессор Высшей дипломатической школы НКВД в Москве¹⁰.

Несмотря на огромную работу, проделанную в последние десятилетия по изучению его научного наследия, постоянное проведение Богатыревских чтений, научная биография Богатырева пока не создана. Вероятно, одна из причин этого – необходимость документирования и интерпретации на этой основе таких необычных для «советского» ученого обстоятельств жизни и профессиональной карьеры, как пребывание П.Г.Богатырева с 1922 по 1939 в Чехословакии в составе советской дипломатической миссии.

Исследователи уже неоднократно задавали вопрос, как гражданину Советской России, а затем СССР всего через год после приезда в Прагу удалось получить грант от Карлова университета и выезжать не куда-нибудь, а в Подкарпатскую Русь для проведения лингвоэтнографических экспедиций; как, будучи по статусу «совработником», Богатыреву удалось беспрепятственно защитить магистерскую диссертацию в Чехословакии и опубликовать ее текст в Париже и, наконец, как ему удалось в 1939 безболезненно вернуться в СССР, где до конца 1940-х ученого ничто не задевало – ни «дело славистов», ни Большой террор.

Сегодня известно, что П.Г.Богатырев попал в Прагу при прямом содействии Р.О.Якобсона. Но стало это возможным не только благодаря дружеской протекции и знанию языков, но и в силу уже проявленной определенной надежности П.Г.Богатырева как советского работника.

По окончании Московского университета (1917) он служил в самых разнообразных учреждениях – в Народном комиссариате по просвещению и в Политическом управлении Реввоенсовета; был сотрудником Исторического музея, преподавал в Саратовском университете.

¹⁰ См.: Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск / Отв. ред. Т.Г.Иванова и А.Л.Топорков. – М.: Пробел, 2010. – С.137–147; Петр Григорьевич Богатырев: Воспоминания: Документы. Статьи / Сост. и отв. ред. Л.П.Солнцева. – СПб.: Алетей, 2002. – 366 с.; *Богатырев П.Г.* Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / П.Г.Богатырев; сост., вступ. ст. и коммент. С.П.Сорокиной. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – 286 с.; *Богатырев П.Г.* Народная культура славян / П.Г.Богатырев; сост. Е.С.Новик, Б.С.Долган; под ред. Е.С.Новик. – М.: ОГИ, 2007. – 368 с.

Один из самых интересных эпизодов его служебной биографии этого периода – командировка в середине июля 1920 как эмиссара Политпросвета Политического управления Реввоенсовета (ПУРа) на Северный Кавказ, где молодой фольклорист неожиданно для себя оказался еще и политработником, и режиссером походной труппы 12-й кавалерийской дивизии.

Сохранился рукописный отчет П.Г.Богатырева об этой командировке, повествующий о его поистине швейковских приключениях в охваченном огнем гражданской войны казачьем пространстве Пятигорск – Ессентуки – Кисловодск¹¹. Лишенный транспорта, материальных средств и привычных связей, буквально брошенный на произвол судьбы, молодой человек передвигался по казачьим станицам пешком, не очень понимая, чью власть застанет в очередном пункте, но записывая диалекты и приобретая обрядовые образцы артефактов. Он посещал местные музеи, читал лекции в Народных домах, а оказавшись в Пятигорске, раздобыл для столичных музеев настоящие артефакты гражданской войны – аннулированные денкинские банкноты на сумму 24 675 руб.

В Невинномысске по просьбе комиссара Берзе Богатыреву пришлось взять на себя руководство дивизионной труппой, так как прежний режиссер покинул ее. Труппа насчитывала всего трех артистов, и новому худруку пришлось искать любителей, что не помешало ему ставить спектакли по рассказам А.П.Чехова. В станичном и железнодорожных театрах он устраивал вечера, посвященные Чехову и имевшие настолько большой успех «на партийной неделе», что режиссеру пришлось их проводить «несколько недель сряду»¹².

Позднее политработник Богатырев получил приказ двигаться по направлению к грузинской границе, где в станице Георгиевской его назначили заведующим Литературной студией с одновременным исполнением обязанностей по объяснительному чтению в партийной школе «Азбуки коммунизма». Невольно вспоминается знаменитый художественный фильм Александра Митты «Гори, гори, моя звезда!» (1969), главный герой которого режиссер Искремас («Искусство – революционным массам») пытался в небольшом провинциальном городке, где к власти приходят то красные, то белые, то зеленые, построить свой новый революционный театр и одновременно выжить.

Петру Богатыреву это удалось, и в архивных делах Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР, где он служил непосредственно перед отъездом в Чехословакию, его должности определялись как «сотрудник для особых поручений», «ответственный агент для поручений»¹³. Но, пожалуй, самый любопытный богатыревский документ в этом собрании – «Анкета для членов и кандидатов в члены Российской Коммунистической партии», датированная 4 марта 1921 года¹⁴.

¹¹ АРАН. – Ф.1651. – Оп.1. – Д.190. – Л.1–4.

¹² Там же.

¹³ ГАРФ. – Ф.А-2313. – Оп.8. – Д.89. – Л.142, 144, 146.

¹⁴ ГАРФ. – Ф.А-2313. – Оп.8. – Д.89. – Л.144–144об.

Аналогичная анкета П.Г.Богатырева сохранилась и в делах Коммунистического университета национальных меньшинств Запада¹⁵, где он преподавал до 21 декабря 1921, т.е. до самого отъезда в Чехословакию.

Документы свидетельствуют, что, как многие другие молодые интеллектуалы, Петр Богатырев в первые пореволюционные годы был достаточно тесно аффилирован с различными советскими институтами пропагандистского характера, что, вероятно, сыграло значительную роль и при его направлении в советскую миссию в Праге.

Для советских структур он был признан «надежным», как писалось в одной из анкет, «сотрудником для ответственных поручений, требующих специальных знаний»¹⁶. Причем этому не помешало ни буржуазное социальное происхождение (его отец – золотых и серебряных дел мастер, причисленный к Обществу саратовских цеховых, т.е. ювелир), ни связь с белоэмигрантами (родной брат Дмитрий – флотский инженер-механик лейтенант, жил в эмиграции в Чехословакии)¹⁷, о чем, по-видимому, советские кадровики не догадывались.

По свидетельству воронежских университетских коллег, в 1950-е – годы опалы – уже профессор Петр Богатырев задумчиво спрашивал их: «Я похож на Швейка?»¹⁸ И конечно, этот вопрос касался не внешности, но более глубокого экзистенциального сходства... В Воронеже Богатырев вел годовой курс лекций и семинаров «Творчество Ярослава Гашека»¹⁹, подробно изучая со студентами чешские и советские работы о пребывании Ярослава Гашека в рядах Красной армии и, несомненно, вспоминая свои годы Гражданской войны.

Но, помимо прямых жизненных реминисценций и параллелей, Гашек и его герой были важны Богатыреву как этнографу и фольклористу, ибо, объяснял он студентам, «Ярослав Гашек открыл <...> неведомый мир пражской периферии, солдатской этнографии, коширжского диалекта, сравнительной филологии пражских предместий, их обычаев и фольклора»²⁰ – мир, который был так понятен и интересен самому ученому, с самого начала своей профессиональной карьеры изучавшему преломление актуальных событий в фольклорных формах (в анекдоте, сказке, частушке и т.д.).

¹⁵ РГАСПИ. – Ф.529. – Оп.19. – Д.10 – Л.2–2об.

¹⁶ ГАРФ. – Ф.А-2313. – Оп.8. – Д.89. – Л.144.

¹⁷ Подробнее см.: Сорокина М.Ю. Славист Петр Богатырев (1893–1971): между Россией и Чехословакией / М.Ю.Сорокина // Культурный слой: Материалы Международной научно-практической конференции «II Зверевские чтения – культурный слой города: исторический, археологический, этнографический аспекты» (г. Воронеж, 11–12 сентября 2021) / Под общ. ред. Р.С.Берестнева. – Воронеж: Государственная инспекция историко-культурного наследия, 2021. – С.77–83.

¹⁸ Ботникова А.Б. Из прошлого университета / А.Б.Ботникова // Вестник ВГУ. (Серия: Проблемы высшего образования). – 2008. – №1. – С.122. См. также: Ботникова А.Б. Воспоминания о П.Г.Богатыреве / А.Б.Ботникова // Филологические записки. – 1993. – №1. – С.149–156.

¹⁹ АРАН. – Ф.1651. – Оп.1. – Д.75.

²⁰ АРАН. – Ф.1651. – Оп.1. – Д.45. – Л.10.

Нам кажется, что в тексте Я.Гашека Петр Богатырев обнаружил одновременно и уникальный источник фольклорной информации, и пласт жизни, тесно связанной с его собственными переживаниями и наблюдениями времен гражданской войны. Обе эти составляющие – экзистенциальная и профессиональная – и стали основой личной мотивации молодого ученого при переводе романа Гашека. Между автором, героем и переводчиком образовалась особая близость – и личный опыт оказался переработанным и трансформированным в перевод, что в значительной степени и определило его невероятный успех.

На этом можно было бы и закончить эссе о двойниках, но судьба первого переводчика «Швейка» с чешского языка на русский – Михаила Скачкова – также заслуживает быть отмеченной хотя бы вкратце, тем более что его пути еще неоднократно пересекались с жизненными траекториями многих русских пражан.

«Тут победителей нет...»

В отличие от Богатырева Скачков был профессиональным литератором и переводчиком. Он происходил из донской казачьей семьи, в 1910-е годы переселившейся на Дальний Восток; в годы гражданской войны успел поучиться на историко-филологическом факультете Восточного института / Дальневосточного университета и заявить о себе как о поэте, близком к находившимся в это время во Владивостоке столпам русского футуризма – Д.Бурлюку, Н.Асееву, С.Третьякову и др.²¹ По неизвестным нам пока причинам в октябре 1922 Скачков оказался в Праге и сразу был зачислен в студенты Русского юридического факультета. Здесь, по сообщению Ивана Просветова, автора новейшей биографии советского нелегала Дмитрия Быстролетова, он стал единственным близким другом Быстролетова и вступил в Союз студентов – граждан РСФСР²².

В то же время Скачков начал интенсивно сотрудничать с литературными объединениями Праги самых разных политических и художественных программ – и со «Скитом поэтов», в который входили многие русские белые эмигранты – поэты и прозаики²³, и со словацкими и чешскими объединениями революционного художественного авангарда «Дав» и «Деветсил», под грифом последнего он издал в Праге на русском языке свой единственный поэтический сборник «Музыка моторов» (1926).

П.Г.Богатырев, Р.О.Якобсон и М.Н.Скачков, несомненно, постоянно пересекались в Праге, они жили в общем служебном и интеллектуальном пространстве,

²¹ См.: Кириллова Е.О. Дальневосточная гавань русского футуризма / Е.О.Кириллова. – Кн. 1. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2011; Турчинская Е.Ю. Авангард на Дальнем Востоке / Е.Ю.Турчинская. – СПб.: Алетейя, 2011.

²² Просветов И. Указ. изд. – С.93, 152. Союз русских студентов – граждан РСФСР якобы был создан эсеровским центром с ведома чехословацкого правительства для последующей легальной переправки шпионов и диверсантов в СССР.

²³ См.: «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н.Белошевской; сост., биографии Л.Н.Белошевской, В.П.Нечаева. – М.: Русский путь, 2006. – 768 с.

но выбирали разные алгоритмы и пути его освоения. Мотивы революционно-го обновления общества на основе интеграции идей конструктивизма и коммунизма, доминантой звучавшие в эти годы в жесткой и аритмичной поэзии Скачкова, вероятно, отражали и его политические устремления, которые привели литератора, как и ряд других русских эмигрантов, к сотрудничеству с советскими спецслужбами. Профессор-славист Н.Н.Дурново, несколько лет живший в Чехословакии и арестованный в Москве в начале 1930-х по «делу славистов», в своих показаниях вспоминал, что Якобсон предупреждал его:

Скачков возвращенец и <...> с ним надо быть осторожным. Позднее, приглася Скачкова к себе, чтобы познакомить его со своим сыном, я совершенно не представлял себе его политического лица и думал, что он если не коммунист, то близок к коммунизму. Я хотел, чтобы он познакомился с моим сыном только ввиду их общих научных интересов в области славянских литератур (чешской и сербохорватской)²⁴.

Действительно, в марте 1926 М.Н.Скачков уехал в СССР, где быстро занял весьма заметное положение в советской литературной номенклатуре: в 1930–1931 он ответственный секретарь Московского горкома писателей, политический редактор Иностранного отдела Главлита. Член Международного объединения революционных писателей (МОРП) по Центральной Европе, Скачков продолжал поддерживать связи с литературной Чехословакией и, помимо Я.Гашека, переводил повести и романы других чешских левосоциалистических авторов – В.Ванчуры, И.Горы, М.Майеровой и уже знакомого нам И.Ольбрахта, публиковал статьи о современной чешской культуре в журналах «На литературном посту», «Вестник иностранной литературы», «Революция и культура» и др., а также в «Литературной газете».

Его бурно развивавшаяся карьера советского чиновника от литературы закончилась в один день – 14 ноября 1933 Михаил Скачков был арестован и обвинен в принадлежности к антисоветским организациям за рубежом и Российской национальной партии («дело славистов»)²⁵. Как пишет В.М.Алпатов, из следственного дела следует, что Скачков дважды вербовался ОГПУ и дал показания, позволившие сфабриковать «дело славистов», по которому, с одной стороны, были привлечены и осуждены такие известные советские ученые, как профессора Н.Н.Дурново, А.М.Селищев, В.В.Виноградов, а с другой – недавние коллеги Скачкова по Праге и советской миссии – Роман Якобсон, Петр

²⁴ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы / Ф.Д.Ашнин, В.М.Алпатов. – М.: Наследие, 1994. – С.11–12.

²⁵ См.: Горяинов А.Н. Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки / А.Н.Горяинов // Советское славяноведение. – 1990. – №2. – С.81–82.

Богатырев, которых заочно обвиняли в координации «фашистской пропаганды панславистского характера»²⁶.

Постановлением коллегии ОГПУ от 29 марта 1934 М.Н.Скачков был приговорен по ст. 58-4-11 УК РСФСР к расстрелу, замененному на 10 лет лишения свободы. Он отбывал срок на Соловках, но 9 октября 1937 постановлением Особой тройки УНКВД Ленинградской области литератор был вновь приговорен к смертной казни. Приговор привели в исполнение 3 ноября 1937. Так жизнь одного из первых русских создателей brave солдата Швейка закончилась в Сандармохе (Карельская АССР). И хотя переводы Скачкова еще много лет переиздавались, но уже без упоминания его имени, которое со временем совсем исчезло со страниц литературных изданий и вспомнилось уже только в 90-е годы XX века.

²⁶ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Указ. изд. – С.11–12.